

Вернік О. «Путешествие» инока Марка как источник повести Вс. Иванова «Бегствующий остров». *Russian Studies of Jan Kochanowski University*. Kielce: Wydawnictwo Uniwersytetu Jana Kochanowskiego, 2020. Vol. 28. P. 103–110

Ольга Вернік ГУ «Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко» (Украина) <https://orcid.org/0000-0001-9840-270X>

**«Путешествие» инока Марка как источник повести Вс. Иванова
«Бегствующий остров»**

Сегодня, к сожалению, практически нет глубокого интереса к творчеству Вс. Иванова, в литературоведении не появляются значительные исследования о нем. Между тем, писатель был одним из ярких представителей литературной группы «Серапионовы братья». В своих произведениях автор философски осмысливал современную ему эпоху. Для Вс. Иванова очевидным было несоответствие между утопическим идеалом «новой» жизни, к которой призывали пафосные выступления вождей, и трагической действительностью, обнаружившую непримиримую жестокость «новой» власти. Этот мировоззренческий раскол соотносится в творчестве писателя с образами раскольников-северян, которые в переломном для России XX столетии, так же, как их предки в XVII веке, бежали от «новой» веры, «нового» мира, голода и террора в Землю Обетованную. Писатель создал несколько произведений, в которых показал символическую связь между раскольниками-староверами и современными ему крестьянами. Актуальность нашей статьи мы видим в возрождении исследовательского внимания к творчеству Вс. Иванова, к его произведениям 1920-х годов, когда писатель соотносился с «серапионами», поддерживал их творческие принципы и аполитичность. В этот период Вс. Иванов написал повесть «Бегствующий остров», в которой создал утопический образ Белого Острова, истоки которого уходят в легенду о городе Беловодье. Цель и задачи нашего исследования мы видим в изучении творческих связей образа

Белого Острова Вс. Иванова и Беловодья из «Путешественника» инока Марка. Это позволит нам не только увидеть источник повести, но и представить Вс. Иванова как писателя-исследователя, опирающегося в своих произведениях и на раскольничий фольклор, и на исторические документы, труды монахов-старообрядцев.

Проблематика творчества Вс. Иванова стала предметом изучения Л. Гладковской (Гладковская, 1972), Е. Краснощековой (Краснощекова, 1980), М. Минокина (Минокин, 1987), Е. Папковой (Папкова, 2009), (Папкова, 2011), (Папкова, 2015), (Папкова, 2016), Р. Ханиновой (Ханинова, 2013), Л. Якимовой (Якимова, 2019), однако в этих работах отсутствует детальное изучение «Путешественника» инока Марка как источника повести «Бегствующий остров». Все это также обуславливает актуальность нашего исследования.

Вс. Иванов создал повесть «Бегствующий остров» в 1925-1926 годах, именно в этот период он входил в литературную группу «Серапионовы братья». Здесь каждый молодой писатель имел шутовское прозвище, Вс. Иванов был «брат-алеут». Это прозвище отражало не только биографическую связь писателя с северной частью России, но и указывало на творческие искания автора, ориентированного в данный период на изучение жизни северян.

В основе сюжета произведения лежит история («сказка») о поселении старообрядцев на Белом Острове, которую рассказывает в поезде своему попутчику мелкий вор Галкин. Примечательно, что этот герой и сам является старообрядцем. Композиция повести (рассказ в рассказе) позволила Вс. Иванову представить художественную рецепцию старообрядцев в разные периоды их бытования – в изолированном, ограниченном общинными законами и традициями пространстве и в современном писателю мире, лишенном духовных ориентиров и христианской веры. Автор рассказа чередует две точки зрения на происходящее. Одна

принадлежит герою-повествователю, передающему историю своего знакомства с соседями по вагону, группой обокравших его воров, возможно, вырванных из привычной среды и ассимилировавшихся в советском обществе старообрядцев, вторая отражает взгляд на бытование старообрядцев одного из них – Галкина. Этот персонаж знакомит героя-повествователя с историей старообрядцев, которые после смерти Петра I вынуждены бежать в заповедное, тайное место – Белый Остров. Здесь они создают традиционное старообрядческое изолированное поселение, существование которого неожиданно заканчивается в 1919 году (в тексте, кроме описания жестокости продразверстки, есть точное указание на дату: «Распоряжение вождя Ильича об нэпе еще не произошло» (Иванов, 2017). Охотник-разведчик Гавриил-юноша случайно в миру знакомится с комиссаром продразверстки Васькой Запусом и, ошибочно приняв звезду на его шапке за божественный знак («Христос, Христос, звезда вифлеемская, осанна» (Иванов, 2017), рассказывает староверам, что царей в России больше нет, и что туда вернулась старая, истинная вера. Комиссара он называет святым воином Адонисием. Дочь главы общины Саша встречает случайно попавшего на Белый Остров комиссара продразверстки Ваську Запуса, влюбляется и убегает с ним в советский Тобольск. Собор решает отправиться всем старообрядцам «в мир» во главе с наставницей Александрой, матерью Саши. В Тобольске старообрядцы видят, что в новой России нет не только царей, но и Бога («По лику – Русь, а по одеже чисто черти: ноги обернуты тряпичными лентами, башмаки на ногах бабьих – большие будто колоды, шапочки-шляпочки – как воронье гнездо. А девки стриженные, юбки в насмешку над верой колоколом сшиты, короче колен, ноги почти голые... И смешно и больно ... И игумны ... все сбежали, а то и пристрелены. И монастыри-то под лазаретами. В церквах-то попы не знают, что и служить» (Иванов 2017). Саша вышла замуж и живет с комиссаром в коммуналке, старица Александра проклинает дочь за предательство веры. Запус агитирует старообрядцев остаться в Советской России, обещает

каждому дать участок земли. Между теми, кто хочет уехать назад на Белый Остров, и теми, кто желает остаться, начинается драка. Небольшая часть старообрядцев уезжает назад, по дороге, возле Трех заповедных Сосен, которые указывают путь на Белый Остров, ночью исчезла старица Александра. Старообрядцы решили, что она утонула в полынье. Они ушли на Остров, сжигая за собой все знаки, которые помогали найти к ним тайный путь. В развязке повести старица Александра, предав старообрядцев, приходит в Тобольск жить к дочери и зятю Запусу. Все содержание произведения позволяет читателю понять, что старообрядцы, лишившиеся своей главной духовной опоры – христианской веры, за которую отдавали жизнь их предки, не в состоянии полноценно ассимилироваться в советском обществе; они, подобно Галкину, становятся асоциальными личностями – ворами, шулерами, проститутками.

Итак, многочисленные художественные детали и образы повести свидетельствуют о том, что Вс. Иванов хорошо знал историю и быт старообрядцев. Об этом автор писал и в автобиографии (см. Фрезинский 2002 : 480–483).

Одним из значимых образов повести можно назвать Белый Остров, который служит для старообрядцев олицетворением Земли Обетованной. Очевидно, что данный образ – это утопическая форма земного рая, представляющая собой идеализированное понимание о справедливости, счастье, воплощении самых глубинных и потаенных мечтаний. «Утопическое мышление переживает особенное напряжение в периоды социальных, экономических и национальных кризисов», – отмечает К. Чистов (Чистов 2011 : 442). Социальные потрясения начала XX века, прежде всего локальные войны и голод, привели к созданию целого ряда произведений, в котором герои стремятся достичь заповедного, тайного места, Земли Обетованной, в которой будут воплощены все их мечты о счастье, истинной жизни и справедливости (Л. Лунц «Родина», К. Федин «Города и годы», А. Платонов «Иван Жох», Вяч. Шишков «Алые сугробы»

и др.). В произведении Вс. Иванова таким местом становится социально-утопическое пространство, связанное со старообрядческими легендами о городе Беловодье.

Е. Папкина пишет о том, что источниками Белого Острова из повести могут быть «деревня Белая (здесь с XVIII века стояли раскольничьи скиты) и Остров Авраамия на Бахметском болоте, где находилась келья уралосибирского старообрядчества старца Авраамия» и Покровская женская обитель на реке Уба, расположенная недалеко от мест, где родился и вырос писатель (Папкина 2016 : 71). Исследовательница отмечает, что топоним повести Белый Остров связан также и с легендой о Беловодье, которую автор знал по фольклорным и книжным источникам. У нас тоже нет точных указаний на использование Вс. Ивановым «Путешествия» инока Марка как источник образа Белого Острова. Однако имеющиеся параллели позволяют прийти к выводу о том, что писатель хорошо знал этот легендарный материал и, возможно, руководствовался им.

Известно, что в основе представлений старообрядческой культуры об утопической благословенной стране, в которой есть «истинная» дониконовская вера, лежит странничество как мировоззренческий феномен. «Самоопределение страннического (или бегунского) течения в староверии относится к началу 80-х гг. XVIII в. И происходит благодаря деятельности одного из наиболее оригинальных старообрядческих мыслителей – инока Евфимия, – отмечает Е. Дутчак. – Именно его труды сначала дали основания для оформления старообрядческого учения о пагубности мирской жизни в условиях «последних времен» и необходимости ухода из царства победившего Антихриста, а потом обусловили дихотомическую структуру сообществ странников» (Дутчак 2006 : 81). На наш взгляд, личность Евфимия и его учение о странничестве были хорошо известны Вс. Иванову. Не случайно в одном из наиболее трагичных рассказов о голоде «Полая Арапия» автор назвал Ефимьей старуху, которая появилась в деревне из ниоткуда, чтобы отвести голодных крестьян в мифическое место – Полуно

Арапию: «В которых деревнях собрались, пошли. Крыса тоже туда идет. И птица летит. Наши-то края заклиали на тридцать семь лет: ни дождя, ни трав... Потом вернутся, как доживут... На тридцать семь лет открыли Арапию, а потом опять закроют» (Иванов 2017).

Старообрядец Евфимий принял постриг в Топозере. Именно в этой обители жил инок Марк Топорезский, которому принадлежит авторство легендарного сочинения «Путешественник», описывающего тайную дорогу в Беловодье: через Москву – Казань – Екатеринбург – Тюмень – Барнаул – Красноярск – старообрядческие деревни – Китай – Японское море – Японию – Беловодье. «Маршрутъ, сирѣчь путешественникъ. Отъ Москвы на Казань, отъ Казани до Екатеринбурга и на Тюмень, на Каменогорскъ, на Выбернумъ деревню, на Избенскъ, вверхъ по рѣкѣ Катуня на Красноярскъ, на деревню Устьюбу, во оной спросить страннопріимца Петра Кириллова. Около ихъ пещеръ множество тайныхъ, и мало подалѣ отъ нихъ снѣговья горы распространяются на триста верстъ, и снѣгъ никогда на оныхъ горахъ не таетъ. За оными горами деревня Умьменска и въ ней часовня; инокъ, схимникъ Іосифъ. Отъ нихъ есть проходъ Китайскимъ государствомъ, 44 дня ходу; черезъ Губань, потомъ въ Опоньское государство. Тамъ жители имѣютъ пребываніе въ предѣлахъ окіяна-моря, называемое Бѣловодіе. Тамъ жители на островахъ семидесяти. Нѣкоторые изъ нихъ и на 500 верстахъ разстояніемъ, а малыхъ острововъ исчислить невозможно» (см. Путешественникъ...). Сравним дорогу к Белому Острову в повести Вс. Иванова «Бегствующий остров». Молодой парень по прозвищу Оглобля предложил староверам, которые отказались перед надвигающейся опасностью разоблачения лезть в «ямки жечься», провести к Белому Острову: «Есть дальше крепости Тюмень да ближе крепости Тобольск, середь топей, середь болот – Белый Остров, от старых дубрав так названный. Топи те незамерзаемые, тундра называется масляна» (Иванов 2017).

В первоисточнике есть указание на количество дней (44), необходимых для того, чтобы пройти через Китайское государство к Беловодью. Очевидно, что иноком это число используется для того, чтобы показать дальность расстояния. Путь героев Вс. Иванова длился более 10 лет, на это указывает возраст родившейся в дороге дочери главы старообрядческой общины, наставницы (киновиарха) Александры Выпорковой – «На Белый Остров, когда пришли, избывая муки все, – десять лет девчонке стукнуло» (Иванов 2017).

Инок Марк пишет, что Беловодье со всех сторон окружено водою («Тамъ жители имѣють пребываніе въ предѣлахъ окіяна-моря» (см. Путешественникъ...)). Такое же описание расположения Белого Острова видим и в повести: «На восток видно через речушку безназванную – топи, кочки, камыши, болота да скалы. Растут на холме том три маленькие сосенки» (Иванов 2017). Три Сосны на холме служили ориентиром для тех людей, кого собор староверов при необходимости посылал в мир. За этой территорией на многие километры находятся только болота и вода, попасть на Белый Остров возможно только три недели в году. Указанием на то, что заповедное место окружено водою служат также следующие строки: «Боялись сначала раскольники все царевой волны вслед, а потом поняли: на недоступные холодные воды вышли» (Иванов 2017).

Инок Марк описывает Беловодье как сакральное место, в котором «татъбы и воровства и прочихъ противныхъ закону не бываетъ. Свѣтскаго суда не имѣють; управляютъ народы и всѣхъ людей духовныя власти» (см. Путешественникъ...). Для автора важно подчеркнуть правильность именно духовного управления страной и то, что люди по собственному желанию, в соответствии с законами совести соблюдают заповеди Господни. Очевидно, что в тексте подчеркивается понимание того, что господство религиозной этики и морали исключает светское управление и светский, то есть Антихристов (согласно мировоззрению старообрядцев), суд. Таким образом, Марк подчеркивает важность выбора добровольного духовного пути

человечеством, поскольку именно он приведет к спасению и обретению земного рая.

Вс. Иванов пишет, что управление на Белом Острове осуществляет женщина-киновиарх и собор, причем власть передается всегда женщинам из рода первых поселенцев-старообрядцев Выпорковых: «Киновиархом, из жизни в жизнь, избирают род Выпорковых, от жены мученика начатый. Вели они жизнь суровую, пустынникам в науку, больше одного дитяти не имели, если сын – Александр, Александра – дочь. Как исполнится три года дитяти, мужик-отец в пещеры уходит, а жена киновиархом и хозяином остается» (Иванов 2017). Здесь следует обратить внимание на глубокое знание автором старообрядческих традиций Сибири. По религиозным канонам старообрядцев духовным наставником не может быть человек, который совершает насилие над кем-либо, в том числе над домашними или дикими животными, он не может быть охотником, звероловом, поэтому случаи, когда женщина становится киновиархам в Сибири не редки. Мы читаем у инока Марка о том, что в Беловодье нет ни преступлений, ни светского суда. В художественном тексте Вс. Иванова есть указание на разделение жителей Белого Острова в зависимости от их духовных исканий – одна часть населения живет в пещерах смиренной монашеской жизнью, другая – занимается охотой и сельским хозяйством. В жизни групп присутствует главный элемент старообрядческой духовности – молитва и ограничение: «могшие вместить» ушли на гору, прозванную Благодать, в пещеры, схимниками-пустынниками, наставниками-начетчиками... Живи, дескать, в пещерном мешке, понимай, дескать, что жизнь эта есть мелкая ступень к будущей жизни, что есть нескончаемая лестница <...> А кто не мог вместить, поселились ниже, на полянах. Срубили дома, пашни подняли, бить птицу и зверя стали. В домах жизнь тоже не лучше пустынников: ни смеха чтоб, ни возгласа. Тишина, сумрак да ладан. Унынъ. Чуть что провинился, – пропишет наставница несколько лестовок, а в каждой лестовке сто поклонов. Считай богов в молельной бане» (Иванов 2017). Из

этого описания очевидна ироническая характеристика старообрядческой жизни жителей Белого Острова, которая дается, напомним, от лица Галкина – старообрядца-бандита, соединившего в себе холоднокровные черты вора и личности, для которой незыблемыми остались милосердие и душевная щедрость (не случайно он на каждой станции подает беспризорникам-попрошайкам деньги и в конце повести высказывает своим поделщикам раскаяние в том, что ночью они обокрали героя-повествователя, который, возможно, имеет семью и голодных детей). Создается впечатление, что так описывая Белый Остров, Галкин пытается скрыть свои корни, очевидно, что он стыдится и своего прошлого, и связи со старообрядцами, которая некоторым образом объясняет его «слабость» в глазах других бандитов – щедро осыпать деньгами из окна вагона бездомных сирот.

Беловодье мыслится иноком Марком, как рай на земле, и подтверждает это гиперболизированные описания, использованные в тексте. Здесь – самые высокие деревья и суровый климат: «Тамо древа равны съ высочайшими древами. Во время зимы морозы бываютъ необычайные съ разсѣдинами земными. И громы съ землетрясеніемъ немалымъ бываютъ» (см. Путешественникъ...). Эти сведения в повести Вс. Иванова соотносятся с описаниями зимы на Белом Острове, трех сосен, которые служат ориентиром для старообрядцев: «Проход туда три недели в году по редким кочкам, да зимой по снежным вершинам кедров, ибо снега там зимой по десятку сажен наметаються» (Иванов 2017). Суровость климата так же подчеркивается в произведении и с помощью других деталей: «Вокруг острова топи да гнилое дерево, лихоманочный комарь, тяжей грабителя» (Иванов 2017).

Вместе с тем, инок Марк пишет о том, что сложные климатические условия не мешают в Беловодье иметь необычайные урожаи и сказочное богатство. У инока Марка читаем: «И всякіе земные плоды бываютъ; родится виноградъ и сорочинское пшено <...> у нихъ злата и серебре нѣсть числа, драгоцѣннаго каменія и бисера драгого весьма много» (см.

Путешественникъ...»). В повести Вс. Иванова также неоднократно идет речь о том, что охотники-старообрядцы Белого Острова имеют торговые контакты с зырянами (писатель использует устаревшее название народа коми), они обменивают охотничью добычу на порох, железо и другие, необходимые для жизни, вещи. Писатель, так же, как и Марк, гиперболизировано изображает предметы обмена, которые демонстрируют сказочные богатства природного мира Белого Острова: «Меняли порох да ружья, железо да старые иконы на меха и мамонтов клык» (Иванов 2017). Гиперболизации и реконструкции Белого Острова способствуют и авторские косвенные указания на безбедную жизнь зырян, скрывающих от жителей других деревень источник своего богатства: «Избы себе кирпичные под железной крышей сбыхали, завели граммофоны – и молчат. Дрожали носы не одного десятка приставов: собака чует – неладно, трясет погоном, а взять не может. Дивовался народ всей Тобольской округи, до чего в охоте везет черноореховским зырянам. И соболь, и бобер, и рысь, и мамонтов клык, а белка дешевле мыша. «Черт помогает», – решили» (Иванов 2017).

В тексте инока Марка есть слова о том, что в Беловодье «родится сорочинское пшено» (комментатор текста А. Мальцев указывает, что так Марк называет рис (Мальцев 2002 : 534–535). В повести «Бегствующий остров» автор подчеркивает, что в то время, когда в Советской России были голод и продразверстка забирала у крестьян все до последнего, у старообрядцев «уродилась небывалая рожь: в закрома не влазит, стоит в скирдах необмолоченная, да и молотить некому. Руки и цепи поотбили» (Иванов 2017).

Таким образом, рассмотренные параллели свидетельствуют о том, что Вс. Иванов глубоко знал историю и каноны старообрядцев. Этот интерес во многом обусловлен тем, что автор родился в Сибири, жил недалеко от старообрядческих поселений. Он не раз слышал истории о людях, которые покидали свои семьи в поисках утопического Беловодья, олицетворявшего рай на земле. Следует также подчеркнуть, что Вс. Иванова, безусловно,

привлекала старообрядческая идея ухода от реальности, их поиски идеального, справедливого мироустройства. Для него старообрядцы были теми людьми, которые во имя веры и сохранения моральных принципов становились изгоями. В рассказе «Бегствующий остров» писатель подчеркивает, что старообрядцы и после революции стремятся уйти от реальности на Белый Остров, поскольку современная им Россия с разрушенными церквями и монастырями, с миллионами невинных жертв, с аморальными законами не представляет собой тот идеал справедливого государства, который они искали. Это убеждение было воссоздано Вс. Ивановым и в других произведениях 1920-х годов о старообрядцах – «Полая Арапия» и «Гибель Железной». Глубокий интерес к старообрядцам очевиден и потому, что писатель основывался не только на легендах и устных рассказах. Его интересовали и другие источники о различных сторонах старообрядческой истории. Одним из таких письменных памятников стало «Путешествие» инока Марка, которое легло в основу образа Белого Острова из рассмотренного нами рассказа «Бегствующий Остров».

Библиография

Гладковская Л. (1972), *Всеволод Иванов: очерк жизни и творчества*. Москва : Просвещение.

Дутчак Е. (2006), Путь в Беловодье (к вопросу о современных возможностях и перспективах изучения конфессиональных миграций) *Вестник РУДН. Серия «История России»*. 1 (5), 81 – 94

Иванов В. (2017), *Тайное тайных*. В: <https://ruslit.traumlibrary.net/book/ivanov-taynoe/ivanov-taynoe.html#fbcont> (доступ 12.05.2020).

Краснощекова Е. (1980), *Художественный мир Всеволода Иванова*. Москва: Советский писатель.

Мальцев А. (2002), Беловодье *Православная энциклопедия*. Москва : Церковно-научный центр «Православная энциклопедия». 4, 534 – 535.

Минокин М. (1987), *Всеволод Иванов и советская литература 20-х годов*. Москва : Московский областной педагогический институт им. Н. К. Крупской.

Папкова Е. (2009), Легенда о Беловодье в творчестве Вс. Иванова. *Филологические науки*. 5, 29 – 37.

Папкова Е. (2011), Идеи Фёдорова в мировоззрении и творчестве Вс. Иванова. *Литературоведческий журнал*. 29, 195 – 206.

Папкова Е. (2015), Народный утопический идеал в творчестве «попутчика революции» Всеволода Иванова *Соловьёвские исследования*. 3(47), 143 – 156.

Папкова Е. (2016), Сибирские источники повести Всеволода Иванова «Бегствующий остров»: от факта к образу. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Филология. Журналистика*. 16, 1, 70 – 76.

Путешественникъ, сиргъчь маршрутъ въ Опоньское царство, писанъ дѣйствительнымъ самовидцемъ, инокомъ Маркомъ. В : <http://nesusvet.narod.ru/books/belovodye.htm> (доступ 12.05.2020).

Ханинова Р. (2013), Модификация темы Земли Обетованной в социокультурном ракурсе русской прозы 1920-х гг. *Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН*. 1, 66 – 72.

Чистов К. (2011), *Русская народная утопия (генезис и функция социально-утопических легенд)*. Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин.

Якимова Л. (2019), «При жизни признан классиком» : Всеволод Иванов в историко-литературном контексте 20-х – 30-х годов XX века. Новосибирск : Сибирское отделение Российской академии наук

«The Traveler» of monk Mark as a Source of Ivanov's «The Running Island»

Key words : «Serapion Brothers», Old Believers, writer, novel, work,, source, history, traditions, text, story, legend, writer
In the article the author studies the work «The Traveler» by the monk named Mark, which created the basis for Ivanov's novel «The Running Island». The author found out that Ivanov knew the history and traditions of the Old Believers.

Old Believers sought the ideal state of Belovodye. In this ideal state there were justice and the Christian faith. The path to this state was described by many monks. Monk Mark also described the path to Belovodye. Monk Mark described the features of life on the island. The author of the article compared the text of the monk Mark «Traveler» and Ivanov's story «Running Island». The author of the article proved that Ivanov knew this composition well and used it in the story. This is evidence of his deep interest in the life of the Old Believers. The author in the article wrote that Ivanov did not consider Soviet Russia as an ideal fair state. Old Believers were unhappy in both Russian Empire and the Soviet Union.

Верник Ольга, кандидат филологических наук, доцент кафедры мировой литературы и русского языкознания ГУ «Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко» (Украина). Круг научных интересов: компаративистика, история мировой литературы XX ст.
overnik16@gmail.com